

Иван Лукаш

Князь Пожарский

Со старинной полки

Иван Лукаш

Князь Пожарский

«Public Domain»

1939

Лукаш И. С.

Князь Пожарский / И. С. Лукаш — «Public Domain», 1939 — (Со старинной полки)

«...Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, освободитель Москвы, – одна из основных фигур победы над Смутой. Но фигура недостаточно ясная. Мы знаем, как он с Мининым, с нижегородским ополчением освободил Москву. Но мы мало знаем, как создавалась, складывалась натура князя Дмитрия Михайловича в самом мареве Смуты. А именно в том, как складывались русские души в Смуте, можно, пожалуй, искать соответствия с нашими временами...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иван Созонтович Лукаш

Князь Пожарский

I

В Смутных временах московских и в его фигурах часто ищем мы соответствия с нашими временами.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский, освободитель Москвы, – одна из основных фигур победы над Смутой. Но фигура недостаточно ясная. Мы знаем, как он с Мининым, с нижегородским ополчением освободил Москву. Но мы мало знаем, как создавалась, складывалась натура князя Дмитрия Михайловича в самом мареве Смуты.

А именно в том, как складывались русские души в Смуте, можно, пожалуй, искать соответствия с нашими временами. Забелин определяет людей в Смуте кратко: *прямые* и *кривые*.

Как мы все, почти поголовно вся Россия, повинны в духовном попустительстве и в увлечении «мартовской прелестью», переворотом 1917 года, так поголовно повинна вся Московская Русь в «прелести Дмитриевой», в признании царем Лжедмитрия. Тогда не прельстился один только не любимый современниками и оболганный историками князь Василий Шуйский. Именно князь Василий начал *выпрямлять* русские души в Смуте, *кривых* превращать в *прямых*, и, можно сказать, не будь Шуйского, не создало бы и Пожарского.

Вся жизнь князя Пожарского прошла в Смутные времена. Ко времени второго московского ополчения князю Дмитрию было уже под сорок.

Он был, по дельному исследованию Корсаковой, сыном князя Михаила Пожарского, по прозвищу Глухого, и Марии Беклемишевой, позже инокини Евдокии. Опала Ивана Грозного подсекла его род. Деда Пожарского за то сослали в Казань вскоре же после ее взятия. Князья Пожарские так и остались там «нанизу». Захудали.

Князь Дмитрий родился в лесной вотчине Пожарских, деревеньке Три Дворища, на реке Лухе. Еще отроком, в 1581 году, князь отказал родовую деревеньку в Суздальский Ефимом монастырь.

В 1598 году, через десять лет, молодой князь Дмитрий – князюшко захудалый, ветром подбитый – пришел искать доли и счастья к Московскому двору. У двора он стал стряпчим.

Тогда-то он был и на соборе всея Русской земли, избиравшем на царство Московское царя Бориса Федоровича.

Князь Пожарский стал ближним боярином Бориса. Правда, в первый же год, не из-за князя, как кажется, а из каких-то теремных, бабьих дел его матери, царь Борис отдалил было от себя молодого князя, но с 1602 года князь Дмитрий и его мать приближены к Борису верху снова.

Мать князя Пожарского стала верховой боярыней несчастнейшей из царевен, царевны Ксении Борисовны, а князь Дмитрий пожалован в стольники.

Деревенский захудалый князь, отчасти напоминающий сельских английских джентльменов времен Кромвеля, начал свою скромную службу при царе Борисе. Князь сам вспоминает о Борисовых временах, что тогда к нему «милость царская воссияла»...

Но вот блеснула, вот пала на Русскую землю ослепительная молния – царевич Дмитрий. Сияющее видение, от которого Русь исступилась в светлом сумасшествии. Внезапный, чудесный царевич явился как грозный ангел Божий, карающий злодея Бориса.

И поголовно вся Московская земля, кроме Василия Шуйского, знающего о смерти царевича Дмитрия все, поверила, что на Москву идет истинный, законный государь.

Поверил и молодой князь Пожарский. Больше того, весной 1606 года он был на Москве, при дворе Лжедмитрия, наверху, дворецким. Князь Пожарский стал одним из близких молодых бояр Лжедмитрия. Князь Пожарский был у его стола за обедом в честь Марины Мнишек. Князь Пожарский был на свадьбе Лжедмитрия с Мариной, а «за ествой» сидел на почетном месте у польских послов...

Непростительная вина Карамзина, исказившего всю эту русскую эпоху в сентиментально-дешевую мелодраму, исказившего и фигуру Василия Шуйского, – непростительная хотя бы потому, что Карамзину поверил Пушкин.

Но именно несчастный царь Василий Шуйский, не овладевший пожаром Смуты, когда все кругом измалодушествовались, *покривились*, не остановивший шатания царства и оболганный позже русской историей и русским художеством, был, тем не менее, первым из всех московских людей, кто открыл Москве, что Лжедмитрий не царевич. Шуйский первый поднял восстание против Лжедмитрия и поляков. Шуйский первый бросил Лжедмитрию: «Ты не царь, ты вор».

И за то пошел на плаху, пошел твердо и гордо, как истинный потомок благоверного князя Владимира.

Лжедмитрий помиловал его с плахи, милостью думал купить княжеское молчание. Но Шуйский, возвращенный из ссылки, снова поднял заговор на Москве против Лжедмитрия.

Шуйский сорвал с польского свистуна царские одежды, в которые тот обрядился. Может быть, именно за то московские люди и не любили Шуйского, что холодным ударом он рассек мороку, замысел сказки о спасенном царевиче: людям хотелось верить сказке.

Шуйский сверг Лжедмитрия. Именно Василий Шуйский начал отстаивать, собирать в Смуте русские души от воровства к царю и закону, всем открыл глаза: или *прямить* за истинного, законного московского царя, или *кривить* за ворами и прелестными воровскими вымыслами.

Царю Шуйскому не удалось *выпрямить* русскую землю. И разве это не символ, не героическая фигура, царь-пленник Василий, умерший в плену у поляков...

Одно удалось царю Шуйскому: начать *прямить* русские души. И среди других душу князя Пожарского. Шуйский *выпрямил* его и создал, так сказать, для русского будущего.

После Лжедмитрия против царя Василия Шуйского поднялись десятки лжедмитриев. А сильнее всех Тушинский вор.

Князь Пожарский, целовавший крест царю Василию Шуйскому, отрицает Тушинского вора. Князь уже не верит больше «прелести Дмитриевой». Для Пожарского явление всех царевичей Дмитриев стало одним воровством царства. Духовный склад князя Пожарского с той поры можно определить верностью службы законному государю и тоской по законному государю, противостоятеле воровской смуты.

Но еще шатались все. Если молодой и ловкий царь Борис не устоял, слабому, старому, всеми нелюбимому царю Василию нечего было и думать совладать с воровским призраком царевича Дмитрия. Он был как былинка на русском пожаре. Князь Дмитрий Пожарский упорно и верно стоял и за царя-былинку.

Натура Пожарского вполне сложилась в 1609 году. Это была пора московского осадного сидения от Тушинского вора. Москва голодала. Русские тушинцы, поляки, Литва, разбойные казаки грабили по всем дорогам кругом Москвы обозы с хлебом. Уже никто не верил, что Шуйский уцелеет. Вся малодушная Москва стала перелетом. Шуйскому изменяли все, кто мог. От Шуйского на поклон к вору и за милостями валила в Тушино разнузданная за эти годы чернь, ошалевшие служилые люди, боярство, княжеские роды: Трубецкие, Сицкие, Юрьевы, Черкасские, Долгорукие.

Но захудалый князек, Дмитрий Пожарский, который был тогда от царя Василия воеводой в Зарайске, отказался целовать крест вору:

– На Московском государстве есть царь, ему и повинуюсь, – твердо ответил он на все посулы.

С небольшим отрядом ратных людей он заперся от вора в Зарайском крепостном кремле.

Упорство воеводы перегнуло зарайских людей. Здесь снова можно заметить, какой сокрушительный удар нанес по всей Смуте Василий Шуйский. Уже до всех дошло его: «Ты не царь, ты вор».

Люди уже перестали слепо, по-детски верить, что ни Дмитрий, то и царь. И в Зарайске люди поцеловали крест на верность царю Василию.

Василий Шуйский утверждал Московскую землю *в прямоте*. Но царя не любили, он не привлекал ни сердца, ни воображение. А внезапная смерть молодого московского сокола князя Михаила Скопина-Шуйского окончательно подсекла царство Василия. Его обвинили, что он отравил молодого Скопина по зависти. Действительно, князь Михайло занемог после пира у царского брата, князя-завистника Дмитрия.

Тогда неистовый рязанский воевода Прокопий Ляпунов стал звать князя Пожарского на восстание против царя Василия. Прокопий Ляпунов шатался. Он уже начал сноситься с Тушинским вором.

Но Пожарский Ляпунову отказал. Пожарский остался до конца верен царю-былинке.

Одного из немногих своих верных воевод царь Василий наградил в Суздальском уезде деревеньками с пустошами и жалованной грамотой, в которой прекрасно очерчен облик Пожарского: «Многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение, и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякий шатости».

Пожарский тогда уже вышел из всякой шаткости Смуты, отыскал свой упор, твердость разума, в общем шатании. Упор простой: быть верным законному государю. В этом весь склад духа Пожарского: служба Василию – царю законному, ему крест целовали, ему и не отвергаться клятвы, ему и служить до смерти. А других царей на Москве нет...

Но уже через год, в 1610 году, изворовавшиеся московские люди с тем же неистовым Прокопием Ляпуновым свергли царя Василия и насильно постригли.

В Москве стало царевать боярство, и Московская боярская дума избрала на царствие польского королевича Владислава.

Что же князь Пожарский?

Князь Пожарский дал присягу королевичу Владиславу. В этом вся глубина тоски московского служилого человека по законным временам царства и по законному государю. В захудалом волжском князе как бы сочетался образ всех служилых прямых московских людей, застигнутых Смутой. Он не судит, не рядит, не мутит, не свергает, не перелетает, не шатается и не воруется. Он служит царю по кресту и по совести. Он как будто только и ждет того, кому отдать по всей совести свою присягу и верную службу.

По кресту и совести он служил царю Борису. По кресту и совести он служил и Лжедмитрию, покуда не узнал, не понял, что все Дмитриии – обман и воровство. По совести он служил царю Василию.

По совести стал служить и новому государю, природному королевичу Владиславу, а не вору, избранному Москвой по закону. Ни крупинки бунтовщика или мятежника не было в князе Пожарском.

II

С королевича Владислава начался новый поворот московской Смуты – московская разруха.

Низкопоклонники поляков на Москве стали требовать на царский престол уже не Владислава, а его отца, короля Сигизмунда III. Сам Сигизмунд охотно помогал таким проискам.

Что же делает Пожарский?

Князь Пожарский, до того наотрез отказавший рязанскому воеводе Прокопию Ляпунову подымать с ним восстание против царя Василия, теперь немедленно соглашается идти на выручку Москвы от нового воровства, тем более, что надменные поляки бесчинствовали на Москве.

В январе 1611 года князь Пожарский пошел на помощь Ляпунову – самой мятежной душе среди мятежных душ Смуты, – осажденному тогда воровскими казаками в Пронске.

Пожарский освобождает Ляпунова от осады, идет с ним на Переяславль, возвращается в Зарайск.

Зарайский кремль осадили тогда воровские казаки Сунбулова. Пожарский отбивает их, гонит. Сунбулов бежит. Это была такая яркая победа, что люди в Зарайске благодарили самого Миколу, чудотворца Зарайского, за помощь прямому их воеводе.

Вся рязанская земля скоро отбилась, очистилась от воровства. Тогда воеводы многих городов с Ляпуновым и Пожарским во главе пошли ополчением очищать от Сигизмундова воровства Москву. Первое ополчение поднялось не против королевича Владислава, а за Владислава против Сигизмунда.

В Москве тогда кипело восстание. Московское восстание 1611 года – перелом всей Смуты. В нем именно утвердилось московское население. Восстание поднялось уже не за царевича Владислава против Сигизмундовой измены, а против самого чужеземного ига, против всей этой блестящей и рваной, вонючей, пьяной, бряцающей оружием и хвастовством толпы чванлых завоевателей, презирающих москвитов, даже не почитающих их за людей, а за бородатый скот, с которым позволено все...

Удивительно, как ничему не научились минутные захватчики: презрение и ненависть к Москве, какие они принесли с Лжедмитрием, уже однажды кончились для них самой яркой расправой, когда Москва растерзала в клочья и их и Лжедмитрия. Теперь повторялось то же. Но польские и литовские люди решили на Москве восстание раздавить.

19 марта 1611 года поляки вышли из Кремля сильной вылазкой. Они внезапно кинулись на московские улицы. Началось повальное избиение в Китай-городе, в Торговых рядах – до Тверских ворот. Поляки вырывали мятеж с корнем.

От Тверских ворот поляков отбили стрельцы. Поляки повернули на Сретенку.

Князь Пожарский отбивался с пушкарями на Лубянке, у церкви Введения Богородицы, где был его дом и где спешно насыпали острожек-крепостцу.

Поляков стали теснить назад, в Китай-город. Поляки бросились на Кулишки, за Москвареку. Они подожгли Белый город.

Тогда всем могло открыться, что засела в Кремле, прикрываясь царскими именами Владислава и Сигизмунда, как прикрывалась раньше царским именем Дмитрия, не царева власть, а поработители царства, истязатели, ненавистники Москвы и московского народа.

Москва день и ночь кипела от боев, ходила пожарами. Ночью к Ляпунову подошел на помощь воевода Плещеев.

И к полякам подошел сильный отряд полковника Струся.

Ободренные поляки первые кинулись на московских людей, погнали Плещеева, раздули пожары, сожгли церковь Ильи-Пророка, Зачатьевский монастырь, Деревянный город, снова кинулись на Сретенку, на Кулишки.

Рассвет застал Москву в гуле огня, воплях, стрельбе.

Но где Пожарский?

День, ночь, почерневший от пороха, обгоревший, он отбивается со своими пушкарями на Лубянке.

Он ранен, лицо и кафтан в крови, он изнемогает, он видит, что верх берут поляки. Москва в огне. Раненый, он плачет совершенно по-детски:

– Лучше бы мне умереть, нежели видеть такое бедствие...

Он видит последнее крушение Московского царства. Пушкари подняли его на руки, понесли к телеге.

Без дорог, в потоке телег, его гонят из Москвы к Троице-Сергиеву. Князь теряет память, снова приходит в себя. Как будто видит он черный сон. Москва уходит, бежит: сметенными толпами идут бородатые стрельцы с пищальми, пушкари, женщины, стрельцы. Москву смело. И не закон, и не царь в его сгоревшей Москве, где пепел сеется по пожарищу, а ярмо поработителей.

В разгромленном восстании за королевича Владислава против короля Сигизмунда служилый и никак не мятежный князь Пожарский впервые стал мятежником. Теперь он уже не за Владислава и не за Сигизмунда, а за освобождение Русской земли и от них и от всей Смуты.

Раненый князь скрывается. Он лесует где-то в своей вотчине, в Трех Дворищах, на реке Лухе.

Сигизмундовы люди, поляки и русские, московские рвачи и прихвостни, уже теснят мятежного князя, чуют расправу над ним и свою поживу.

Григорий Орлов – зловещее имя, цепкое, жадное – один из предков екатерининских Орловых, подает 17 августа 1611 года на князя челобитную-донос королю Сигизмунду и королевичу Владиславу, выпрашивает за свою службу Сигизмунду деревеньку князя Дмитрия Пожарского, Нижний Ландех: «за его, князь-Дмитрия измену, что отъехал в воровские полки и ранен, сражаясь с королевскими войсками, когда мужики изменили на Москве».

Орлов получил от Гонсевского Нижний Ландех, оттягал себе княжескую деревеньку. Так князь Пожарский был объявлен изменником и королю и королевичу.

Но осенью 1611 года на освобождение Москвы, Дома Пресвятой Богородицы, поднялся Нижний Новгород.

Нижегородцы искали вождя. В лесную глушь к князю Пожарскому и пошли их послы – многожды, как рассказывает сам князь Дмитрий:

– Присылали по меня, князя Дмитрия, из Нижнего многожды, чтобы мне ехать в Нижний для земского совета, и я по их прошению приехал к ним в Нижний.

Князь позже скажет даже, что его к такому делу бояре и вся земля «сильно приневолили».

Он отказывается, он опасается нового разгрома, измены, «поворота вспять».

Этот средний провинциальный служилый человек, можно сказать, без рассуждений служивший каждому государю, который объявлялся законным Москвою, теперь самым ходом событий превращался в вождя национальной революции, поднятой нижегородским ополчением.

Для того прежде всего нужны были средства, казна, жалованье ратным людям. Князь сам указывает, кому быть «у такого великого дела»:

– У вас есть в городе человек бывалый, Козьма Минин Сухорук, ему такое дело в обычай.

Нижегородский выборный земский староста, говядарь Козьма Захарыч был душой нижегородского народного подъема. Это он вдохновлял толпу у собора призывами совершить великое дело, помочь Московскому государству:

– Какая хвала будет всем нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело...

Козьму Захарыча выбрали к великому делу. Он, как и князь, тоже опасается «поворота вспять». Он требует письменного приговора:

– Чтобы слушаться меня и князя Дмитрия Михайловича во всем, ни в чем не противиться, давать деньги на жалованье ратным людям, а если денег не станет, то я силою буду брать у вас животы, жен и детей отдавать в кабалу, чтобы ратным людям скудности не было.

Нижегородцев обычно изображают в розовых красках, как доброхотных щедрых жертвователей и только. На деле же в те времена первого русского Апокалипсиса они дали Минину круговую поруку за себя и за свои семьи, самую жестокую и самую крутую поруку в русской истории: отдавать свои достатки, а у кого их не было, – самим идти в кабалу ради освобождения Москвы, Дома Пресвятой Богородицы.

С вдохновенной суровостью наши предки нашли и себе силы больше, чем на самопожертвование, больше, чем на самоограничение. Они шли ради великого дела даже на личную кабалу на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.